

Марионеточные ДУШИ

КОНСТАНТИН КУЗНЯКОВ

Константин Кузняков

Марионеточные души

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21206141
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Колину Бёргу тяжело пришлось в жизни. Детское любопытство угасло в нём после драки с любимым другом. Мир его погряз в пучине однообразных дней, перестал играть насыщенными теплыми красками. Главный герой не видел разницы между днем и ночью – все одно и то же преследовало его. Постоянный график: дом – работа – не приносил ему удовольствия. Он не радовался новому дню, не вставал рано утром, чтобы прогуляться по набережной, вдохнуть глоток свежего воздуха. Кто ему поможет выбраться из этой темницы? Кто или что сильнее, чем повисшие оковы на его шее? И вот, казалось бы, выхода нет, но не тут-то было. Символы, появившиеся на улицах города, – последний шанс стать человеком. И он его не упускает. Взяв за руку своих друзей, Колин отправляется на машине для того, чтобы измениться и, в первую очередь, разгадать загадку таинственного символа. Но вместо того, чтобы раскрыть секрет, всплывает куча вопросов на которых у Колина нет ответа. Кто за всем этим стоит? И что он хочет от небольшого городка, окруженного лесом и горами?

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	13
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Константин Кузняков

Марионеточные души

Глава 1

1

«Они танцуют около моего дома. Идет дождь, а они танцуют. Им нет дела до ничего, а я сижу и пытаюсь уснуть под стук незаметных, назойливых капель. Еще эта слякоть постоянно разводится в моем доме, когда я всего лишь хочу уснуть.... Немного поддувает. Так и поясницу можно ненароком простудить или, что ещё страшнее, – почки, а потом и вовсе слечь в больницу, где меня будут пичкать медикаментами, а потом ещё чек выпишут на запредельную для меня сумму. Прошу, избавьте меня от этих мучений. Люди шлепают по лужам, несутся по делам, словно что-то еще есть, кроме дождя. Когда идёт ливень, то совсем не задумываешься о жизни или, наоборот, – в голове просыпается отдел, в котором все нейроны работают, как при военной тревоге. С крыш стекает вода, льется на тротуары, а потом в канализацию. Хорошо, когда есть крыша над головой, но плохо, когда ее нет или она разрушена по неведомым причинам. Мне в

этом плане повезло.

А представьте, как бродяге или бездомному в такие дни. Он пытается найти место, где спрятаться от дождя. Лучше, когда у него есть небольшая землянка, в худшем случае – проход в канализацию, где можно переночевать, скрыться от водянистых рук. Жизнь тяжела, и они это понимают лучше других. Ведь им приходится столько переживать и в летнее, и в зимнее время. По сводкам синоптиков мы слышим: «В городе «N» будет идти дождь. Возьмите зонтик, – и слова телеведущей доносятся из бездушной коробки мягко, как мама шепчет младенцу – с теплом и лаской. – В городе «X» выпадет двадцать миллиметров снега. Оденьтесь теплее». Защищаться от непогоды им тяжелее, они беззащитны, практически всегда умирают, не дожив до сладкой старости. К тому же их карают солнечные лучи, вода изматывает, действуя на нервные клетки. А жить надо. Выход – работа. Но они настолько привыкли к своей жизни, что работа для них, как для оптимиста – смерть. Несправедливо. Ах, эти привязчивые мысли. Дайте мне уже спокойно поспать. Мне всего лишь нужен час сна», – сказал мужчина и закутался в подмоченный от дождя плед.

«Кто не работает, тот не ест» – популярное выражение для осмеивания лени, безделья, тунеядства. «Можно ведь подавание просить», – скажет бездомный. И он прав, за пределами прав. Он будет зарабатывать, ему будет хватать на хлеб, воду, масло – что еще для жизни надо? Да, ничего, можно

и так жить – все-таки не самый плохой вариант. Проблемы улетучатся после того, как мы перестанем чувствовать голод – начнём думать и рассуждать о жизни. Но чтобы достигнуть эйфории, надо сначала потрудиться. Голод – лучшее средство избавиться от безделья. И нам приходится идти на работу или искать её, в самом крайнем и худшем случае.

Заговорился. Мужчина успел уснуть. Ему приснился огромный дом, жена, дети, сладкое будущее, в общем, как и всегда на протяжении десяти лет.

Колин Бёрг, тот самый человек, который лежит сейчас на улице в обществе крыс, мышей, червей, далеко не самый красивый в мире мужчина. Пытаясь зарисовать его по мелочам, я обнаружил, что он похож на голодную обстриженную обезьяну. Лицо огромное, подобно русскому блину, всё в веснушках, с опущенными густыми бровями, по цвету напоминающие виниловые пластинки. Кажется, что он пытается разглядеть человека сквозь черную тряпку – темные, густые ресницы перекрывают путь свету. Маленькие миндалевидные глаза невозможно узреть сквозь непроходимую преграду, если только не присматриваться часами, но вряд ли ты захочешь заниматься таким бесполезным занятием, ну, в ином случае, выручит Индиана Джонс или Крокодил Данди. Если бы он был женщиной, то его волосы описать было бы проще: по длине – каре, черного цвета, засаленные, давно не мытые. Рост невысокий, но и немаленький. Если ты посмотришь на его безволосое тело, то непременно удивишься, как

он не замерзает зимой.

Хоть труд и сделал из обезьяны человека, но, увы, не в нашем случае. Колин не очень стремился работать, видимо, ему нравилось жить в собачьей конуре, размышляя о жизни, насытившись парочкой бутербродов. Нервный грязный тип слонялся по залу придорожного кафе, навевал на людей тоску. «Благо, – думали они, помолившись своим богам перед едой, – что он хотя бы следит за своими ногтями». Вычищенные до блеска натертые ногти – главное достоинство Колина. Хотя нет, вру, еще глаза, но их красоту видела лишь мать и парочка нянь, которые долго на этой работе не задерживались, так что узнать их контакты не было возможности.

Гардеробом он похвастаться не мог: четыре одноцветных футболки, потрепанные брюки с небольшими дырами на попе, кофта серого цвета и любимая куртка, истертая до дыр – зимой ходить в ней было нереально, пробивал даже пятиградусный мороз.

Вдох-выдох, вдох-выдох, убираем капельки пота, появившиеся от прочтения пары абзацев – мне тоже не по себе, я боюсь Колина, не знаю, как дальше смогу жить плечо о плечо с ним. Придется мне ни обманывать, ни лукавить, когда я с ним буду общаться. И к этому всему выдавать всю известную информацию, так сказать, быть заботливой женой. Получается – тайны никакой не будет. Поглядим, может быть, он сам захочет себя запутать.

Кто-нибудь пробовал описать человека по одной только

обуви? Возьмем Колина: летом – сланцы, зимой – потрепанные полуботинки, с вылезшими и смотрящими в разные стороны нитками. На языке вертится всего лишь одно ничтожное слово – «бродяга». В этом-то и дело, что он никакой не бродяга, у него есть «дом». Был бы он собакой, то жильё называлось конурой.

Перейдем к «Жилищу». Вы, несомненно, вспомните проемы между домами, предназначенные для пожарных лестниц, мусорных баков, в европейской или американской части мира: в Италии, в Испании, в Соединенных Штатах Америки, в Великобритании, во Франции – в большинстве стран. Представляем картину: два дома, между которыми свободное пространство, прочерчивающее черту между ними. Если так не совсем поняли, то посмотрите мультфильм «Эй, Арнольд!» – сразу поймете то, что я имею в виду. Он выбрал оригинальное место, где можно жить. Построив два деревянных квадрата под два метра высотой, три метра шириной и один метр длиной, он наполовину закрыл помещение между домами. Дверь выглядит броско. Состоит из дерева, на котором виднеется небольшой замок – больше для галочки, чем для защиты от воров. «Жильё» площадью три квадратных метра с улицы не бросается в глаза. Когда идёт дождь, с боков очень сильно заливает и порой подмывает стены дома. В эти моменты приходится закрывать потолок снаружи плёнкой-тряпкой. В «Жильё» не было уютно. Имелись такие вещи, как: ковёр, расстеленный на полу, закрывающий

все уголки; горелка, чтобы готовить еду; мини-холодильник с засохшим кусочком сыра; да пара ненужных вещей – ни электричества, ни воды не было. Походные условия. Хотя я слишком идеализировал квартиру, сравнив «Жильё» и поход. Все намного ужаснее. Не могу представить, как вы видите дом, но подмечу, что в такой конуре не расположится больше, чем два человека. Так что не стоит кричать, что я бы также хотел. Не хотел бы, я уверяю.

С жильцами дома он сумел договориться, и они его не прогоняют. Надо только привыкнуть к тому, что может пробежать крыса или мышь – их тут полно обитает. Иногда они съедают мусор, который летит во все стороны: рот Колин не закрывается во время еды, словно сломался замок, который не в состоянии больше удерживать дверь на одном и том же месте. Никогда не разговаривайте с такими людьми, они и пережеванной едой поделятся, и нормальных слов не выговорят.

Вроде с описанием закончили.

Каждое утро, с понедельника по пятницу, он шагает на нелюбимую работу, в ресторан, который открыт с десяти утра до девяти вечера. Иногда кафе не закрывается на всю ночь. В эти дни приходится оставаться до первого солнечного лучика. Работу Колин, конечно, ненавидел, ходил с вялым, небритым лицом. Посетители не понимали, куда он тратит весь пыл. Приносил он еду медленно, небрежно, казалось, что вот-вот выронит из рук, так ненадежно выгляде-

ла конструкция, собранная им буквально за пару секунд. Так проходили его дни. Платили мало, на большее он не надеялся. Все вроде устраивало. Чтобы удовлетворить себя в сексуальном плане, он всегда мог насладиться такой же бедной девушкой, которая работала с ним. Не подумайте превратно: они не были связаны сексуальными связями, они с трудом уживались на работе – два нелюдимых и страшных человека.

Девушку звали Гертруда, что за имя. А в переводе вообще не сочетается с образом служителя придорожного кафе. Гертруда – работница труда. Работница, ага. Слоняясь из угла в угол, она постоянно опиралась на свою поломанную ногу, на первый взгляд только казавшейся таковой. Когда не спишь ночами, пребываешь постоянно в алкогольном опьянении, то и не так будешь ходить. Зря я назвал девушку страшной, каюсь. Нет некрасивых девушек, есть только неухоженные или те, кто не хочет стремиться к прекрасному. Камни, из которых вытачивают облики выдающихся людей, тоже не с самого начала становятся работами Микеланджело или Крафта. Но что действительно раздражало во внешности Гертруды – это чёлка, нависающая над глазами, словно шторы в прохладные дни. «Ей ведь не надо было от мух защищаться и укрываться, – думал Колин, глядя на девушку, – что за страсть к волосам. Если так нравятся волосы, то пусть до пола отращивает, а не делает из себя черт те что». Больше про нее не напишу, иначе сочтете слишком злым или, что ещё хуже, сексистом, что никак не описывает мою персону – я

обожаю женщин.

Работа в кафе – это осознанный выбор Колина. Ничего другого ему и не требовалось, чтобы существовать. Еда есть, дело есть, а жизнь – сама как-нибудь наладится.

С таким расписанием ни один нормальный человек не проживет больше года, шагая от дома до работы целыми днями. Путь составлял двадцать минут по закоулкам или тридцать по официальным улицам, признанными жителями города. Он ходил только закоулками, никак иначе. На работе хватало видеть всякие лица от пьяных до запредельности веселых, счастливых. ««Веселые» не ходят в такие заведения, точно говорю, не ходят», – говорил Колин каждую свободную минуту, когда за столиком обнималась парочка бедняков. А ведь были и такие, которые часами засиживались и пили чай, кофе, разговаривали на политические темы. Это невыносимо раздражало Колина, по силе, сравнивавшейся с сотней иголок, вонзающихся в тело по одной с неуловимой скоростью.

Сколько грязных мыслей накопилось об этом месте и людях, но менять работу он не торопился. «Никакое другое помещение, какое бы ни было оно красивым, не заполнит мою душевную пустоту, которая постепенно превращается в бездонную, черную дыру», – так он думал постоянно.

Шагая по закоулкам, он частенько примечал, как мальчишки резвятся, маркерами разрисовывают стены – вверх, вниз, – но когда Бёрг приглядывался, то на домах ничего не

появлялось, совсем ничего. Его это смущало, озадачивало, но выяснять причину этого парадокса он не спешил. Дни и так хороши, всё, что нужно, буквально лежит в руках.

Почему-то я хочу оправдать его, сказать, что он совсем другой тип, каким могли вы его увидеть. Да, он не любит работать, разговаривать с другими людьми, но у него есть что-то внутри, которое рано или поздно проснется. Я надеюсь, что проснется, а иначе-то как? Только прошу об одном – он не одинок, не одинок. Слишком много людей, которые хотят ему помочь, я действительно всем сердцем верю в это...

– Проснись, милый, – прошептали родители около уха, – не проспай свой день.

– Да, мам, встаю. – Колин открывает глаза и видит, как родители проникли в его комнату и держат запечатанный подарок в руках.

Мать поцеловала мальчика в лоб, вытянула коробку вперед и нежно сказала: – Открывай.

– Тяжелый, – усердно трудившись над подарком, сквозь зубы сказал Колин. Не прошло и минуты, как мальчик развязал бантик. На лице появились три капельки пота, вспыхнувшие моментально от громадной улыбки на лице.

– Это мне? – удивленно и медленно спросил Колин, не веривший, что они угадали с подарком.

– Можешь мне отдать! – твердо, как сталь, ответил отец.

– Не дождешься, моё! – мальчик встал, схватил бутерброд, который принесли родители, и убежал подальше от них, поглядывающих за его движениями и актерской игрой.

У выхода он остановился, чтобы натянуть ботинки. Счастливый и радостный, он выбежал на улицу. В этот момент его можно было бы просветить рентгеновским лучом, и мы бы увидели теплый свет, насыщавший его тело. В легкой пижаме, раздувавшейся на ветру, он залетел за угол дома и присел. Книга то и дело скользила в маслянистых, грязных ру-

ках. Сэндвич давно торчал из одной щеки, так и не переваренный. Он не мог дожидаться, когда уже полностью прочтет хотя бы название книги. Издалека он увидел что-то знакомое в первых четырех буквах. Еще и рисунок печатной машинки с множеством клавиш позволял угадать, что есть такое перед ним. Книга – сокровищница идей, эмоций и новых людей. Азарт вспыхнул в нем, как и прежде во время войнушек с другом.

– Со...вре...мен...ная крип...то...гра...фи...я, – читая захлеб, по слогам, разжевывая каждое слово, прочитал юнец, посиживая на холодном асфальте. Его очень сильно занимали разные символы. Родители смогли назвать только одну науку, изучающую знаки, когда он подбежал в солнечный день и спросил: «Мама, а что это за символ?» – с детским любопытством, указывая пальцем на необыкновенный узор, нарисованный на противоположной стороне дома. Он, запыхавшись, глотал воздух, водя пальцем по маминому платью. Символ несколько раз отскакивал по двум параллельным домам, находя в каждом из них немалый интерес. На каком этаже заканчивалась игра в зайчики – было неясно. Мальчугана бы ни за что не впустили на крышу десятиэтажного дома или в квартиру верхних этажей. Дети считали, что там собрали всех самых злых людей, дав им по разъяренному бульдогу, а вот подарить ошейник хозяевам спонсоры забыли. Испытывать судьбу он любил, но, чтобы иметь смелость подняться на верхние этажи – нет, он бы не выдержал того,

что могло там скрываться. Собаки – еще листочки. Ведь собака только лицо человека, а все остальное – что?

Конечно, он не один увлекался криптографией и другими науками. Друг, Майор Луис, резвился вместе с Колином, делал с ним игрушки, бил баклуши. В общем, развивался.

Книгу он осилил в один долгий присест, не подпустив даже Луиса, который томился от безделья. Луису хотелось увидеть друга, который сидел, заперевши в своей темнице, попросив никого не впускать. Прошла неделя, другая, книга не заканчивалась. Ребенку пяти лет очень трудно прочитать неизвестные слова, когда ты недавно только осилил алфавит. А друг скучал, злился. Так как возможности заполучить книгу не было, он намеренно пытался выкрасть ее у уснувшего Колина.

Луис устроил войну. Один воевал, другой – нет. Колин даже не знал, что идет война, он на минутку забыл о товарище, а тот уже в драку полез – какой же Луис после этого друг? Видимо, больше, чем друг, раз захотел драться за его внимание.

Не враг, а так.

Дружба не пропадет без боя, не исчезнет, не попытавшись вернуться. А если вдруг случилось так, что дружба потеряла смысл, тогда, наверное, и смысла в ней не было. Все заранее известно, в том числе и когда закончится союз, распадется на тысячи словечек условный контракт дружеских отношений. И под конец, вдогонку, ты успеешь крикнуть: «Козел,

за что ты мне попался. А еще ты звался другом! За что ты слово так позоришь, заставляешь позабыть истинное значение этих соединенных букв. А их не так уж много, ты поверь, ведь мне уже пять лет».

«И вот он выиграл придуманную войну. Забрав книгу из-под носа, заставил взгляд мой приподнять на его запачканную рожу. А он сидит, смеется, практически слеза течет. И я не верю в его игру эмоций, ему не жалко ведь меня. Порвал на части две сокровище мое. Одну – забрал себе, другую – выкинул подальше, попав на злость в собачьи экскременты», – сказал бы Колин, зная, что происходит с Луисом. И как боец, словивший шальную пулю, встает мальчик на левую ногу, потом – на правую. Шагает, изгибаясь, медленно вперед. Два шага прямо, один назад. И чует он запах невымытых волос, злой взгляд, напомнивший ему разъяренного бульдога. Без сожалений, с силой пятилетнего бойца ведет он руку прямо, не обращая внимания на родителей, наблюдавших у окна. Никто не мог подумать, что так закончится детская дружба. Она же самая сильная, самая крепкая, как камешек, вытянутый из песочной структуры. Удар пришелся ровно в челюсть, сломав надвое передний зуб. Течет багряная кровь, ручьями льются слезы. У одного от сломанного зуба, у другого от – кисти. Представьте вы, с какою силой, надо ударить, чтобы сломать кисть.

На прощание Луис посмотрел на него красными глазами, испуская пар, как теплоход, Колин надолго запомнил этот

взгляд, проникающий далеко в душу, говоривший: «За что? Я хотел как лучше. Грязный обманщик! Не хотел общаться, так бы и сказал!» Мать Колина увела подальше Луиса, а его отец нёс другого бойца в дом, чтобы помыть. Никто, конечно, Колина не накажет, не подаст на него в суд. А как бы это выглядело: «Вызываем первого подсудимого. Прошу. Доложите, – через минуту зал стихает и начинается байка. – Рука его замахнулась на меня, ударила в челюсть и как ни в чем не бывало сломалась!» «Абсурд, – крикнут зрители, – а ведь ты сам виноват в том, что тебя ударили тяжелым кулаком».

Куда уехал Луис после всей ситуации – не ясно. Никакой весточки, никакого слова не было больше произнесено. Колин скучал еще больше и чаще, никакая книга не развлекала его сильнее, чем общение с Майором. Он тогда не размышлял на тему того, какого он потерял человека. Они любили друг друга, как могут только дети, выросшие в одном доме. Между ними существовала идиллия, словно прозрачными нитками были связаны их тела. Вспомните какого-нибудь далекого «знакового». Дни, проведенные с ним с чашечкой английского чая или кубинского кофе. Аромат, чувствуете? Страсть.

Родители вечером обсуждали, что произошло. Никто не мог понять, почему из-за какой-то книги, они так сильно поссорились. Взрослые глупы, когда дело доходит до объяснений. Они рассуждают логически, выстраивают связи, а дело легче, чем кажется. Психология. Может быть, книга о сим-

волах стала символом?

А Колин лежал, плакал. И о книге, и о друге он напряженно думал на протяжении последнего дня, напрягая извилину за извилиной. «А я так и не подобрал вторую часть, надо бы забрать». Ночь выдалась жаркой. Перевязанная рука то и дело напоминала о себе, вибрировала, жгла. Всю ночь он не спал, заново переживал моменты, вспоминал, когда же он отрешился от дружбы с Луисом. Он действительно не мог понять, как они так далеко оказались друг от друга. Быть может, континентальный дрейф, как и двести миллионов лет назад, случился между их квартирами.

На следующее утро, встав пораньше, он выглянул на улицу. Солнышко светило, словно только что увидело людей, не зная о происшествии минувшего дня. Колин завернул за угол, как лисица, где сразу вернулся в тот день. Книга его явно смутила, она по-другому лежала, так как он запомнил, что книга валялась в экскрементах, а сейчас перевернута, помыта. Поскоблив часть твердой обложки, он почувствовал новую шероховатость. Перевернув на другой бок, он заметил надпись, гласившую: «Извини! Храни её. CaCO_3 ». Поглядел еще немного на обложку. Ничего не заметив, он направился домой.

Через неделю друг уехал. Неизвестно, как он живет и чем занимается. Луис такой же угрюмый и хмурый, как Колин, или жизнерадостный? Хотелось бы верить в лучшее. Жизнерадостные люди привлекают больше, чем протухшие яйца. А

что они привлекают: счастье, деньги или смерть – неважно, главное, что они становятся магнитом, готовым притянуть рыбку в сеть.

– Зачем я снова отрыл эту книгу, – проскрипел зубами полусонный Колин, очутившись на теплом согревающем плече, и начал зверски царапать обложку, как и раньше, чтобы избавиться от воспоминаний. Он не мог не размышлять: «Его последнее слово было – храни её, а зачем?»

На улице было тепло, когда Колин отходил от воспоминаний. До этого случая он был радостным, любил природу, людей, животных, наслаждался днями, проведенными в обществе друга. А сейчас он вовсе не был похож на человека. Душа улетела, застряла в мирке переживаний. Кто его вытащит? Гертруда? Боже, нет.

День пролетит, начнется новый. Цикличность его удивляла, иногда появлялись некоторые ответвления: «Умыться – да или нет?»

Впереди был такой же однообразный день, как, впрочем, и всегда. Счастливые лица парочек, сидящих за неприбранными столиками, детвора, мешающая работать, и запах протухших продуктов – все будет доставлять уйму проблем. Кап-кап, начинается дождь, пора прикрыть дверку, чтобы не залило, и унести в мир скорби и тоски.

Проснувшись утром, Колин почувствовал тупую жуткую боль в голове. Два дня он пролежал в небытии, в полусонном состоянии рассуждал о волнующих его вещах. В желудке урчало, но на все эти проблемы он смотрел свысока, надменно, словно их не существует. В углу лежал позавчерашний бутерброд с кусочком сыра, объединенным с одной стороны. Посмотрев на него, он, не задумываясь, проглотил завтрак, словно наживку, и немного поднялся, чтобы отряхнуться от крошек и выйти на улицу.

Легкий туман застилал дорогу на мили вокруг. Безжизненность улиц раздражала глаза, так как обычно на этом проспекте проходили толпы народа, галдя на тошнотворные темы, рассуждая как фитопланктоны – ни о чем. Потерев глаза, опрокинув волосы на правый бок, он направился к ларьку, в котором можно было недорого купить еды. В шести карманах он смог нарыть сто двадцать единиц денег. Их, к сожалению, хватило только на некачественный хлеб, триста грамм соевой колбасы и бутылку воды. После покупки он вернулся в дом и закутал продукты в полотенце, чтобы мыши и другие грызуны не разбомбили всю еду. Конечно, Колину не жалко отдать немного еды крысам, но урок он запомнил надолго – грызуны переносят заразу. Позволить себе заболеть ещё раз – значит голодать две недели. Убрав всю еду в импровизиро-

ванный холодильник, он направился обратно к двери. Ветру удалось поднять его губы, слепив из этого улыбку. Ему нравились потоки воздуха, которые давали почувствовать, как улетают бактерии с его ушей, носа, губ, рук, отмирая с мизерными кусочками кожи.

Работал он день через два. Когда наступала его смена, то он приходил на час раньше, чтобы хоть немного прибраться и смыть грязь с волос. Раз в неделю он ходил в баню, что находилась в трех кварталах от его жилья. Однажды он не мылся месяц, из-за чего на всем теле появилось множество прыщей, доходящих до размеров небольшого вулкана, а потом еще и холера настигла его. И после этого его осенило, что мыться надо раз в неделю, ибо никто его не спасает от запредельных мучений.

За двадцать минут, словно по таймеру, он дошел до кафе, где посмотрел на дверь, на которой уже не висел замок. Нога владельца никогда не переступала порог заведения, словно хозяин был вымышленный и жил только на бумаге. Колин ни разу не видел его лично, не пожимал ему руку в знак признательности. Хотя было за что сказать «спасибо».

Выполнив повседневные дела в кафе, он присел за столик, стоявший у окна, чтобы насладиться пустотой улиц. Колин вспоминал, как в детстве посетил фильм-вестерн. Отчетливо помнил название – «Великолепная семерка». Перед его глазами встала удивительная картина: серый туман застилал мелких людей, солнце боролось с мглой, пробиваясь

лучиками к носу Колина, магазинный пакет перелетал через улицу, словно перекаати-поле, только чуточку помедленнее, ближайший светофор наполнял улицу насыщенным зеленым или красным цветом. Колину нравилось наблюдать, как бежит или стоит человек. Человеку можно придумать любое имя, любую работу – даже без опыта он может быть и писателем, и полицейским, и пожарным. Всем – и одновременно никем. Остальная картина была умело скрыта за серыми тонами. Насытившись зрительно, он ждал, пока придет повар. Их кормили два раза в день, отчего можно было позволить себе не готовить. Наваристая похлебка с кусочком хлеба или каша полностью подавляли чувство голода, даже если он не ел два или три дня.

Уснув у окошка, он проснулся от стука в дверь. Кто-то незнакомый бил в дверь волосатым кулаком. Долго притворявшись мертвым, Бёрг потянулся, убрал со щеки крошки и подошел к стеклянной двери. Нежно потерев стекло, он узнал видимые черты лица. Повар наконец-то пришел. Небольшая улыбка воцарилась на лице Колина, говорившая: «Еда».

Колин перевернул замок в другое положение, что позволило открыть дверь, и сказал: – Здравствуй, Пол, чего пришел?

Затуманенные глаза обежали ресторан и усталились на худенького человека.

– Опять твоя морда. Голодный? – обыденным тоном, не

смотря на Колина, сказал Пол.

– Не отказался бы от чашечки горячего супа.

– Жди, скоро будет. Гертруда когда придет? Не знаешь? Ни черта ты не знаешь, – грубо, подавляя эмоции, договорил и ушел крупный мужчина средних лет.

Пол – повар, который работает каждый день в этом забытом Богом месте. Крупный, с брюшком, он стремился скрыться на кухне, которая по праву может называться его. За плитой он проводил целые сутки, кажется, что работа ему нравилась, хотя по низко опущенным бровям так легко не скажешь. Волос вообще нет, лысая голова блестит на солнце, а глаза впитывают солнечные лучи, словно всеми силами он пытается привлечь внимание. Надев фартук, умывшись в обезображенном умывальнике, он зажег синеватый огонь и приступил к приготовлению очередного шедевра. Нашинковал овощи, поставив на плиту кастрюлю и посолив перед этим воду, он направился обмолвиться словами с нелюбимым официантом.

– Эй, давно с тобой не виделись. Как жизнь?

– Бьет ключом, – огрызнувшись, явно не желая говорить, ответил Колин.

– Волосы помой, а то невозможно смотреть на тебя, или можно сбрить их, только позови.

– Не тревожь меня.

Вздохнув и выдохнув всем запасом воздуха, повар ушел расстроенный, напоследок сказав: – Суп сегодня с капустой

и картошкой. Жди, – развернувшись, Пол последовал в свою обитель.

Общение не складывалось. За годы они ни разу нормально не поговорили, хотя стремление к душевным разговорам у Пола было, несмотря на его невзрачный и отягощенный заботами вид.

Многолетний опыт работы позволял ему готовить по-настоящему изысканные блюда, которые с легкостью могли бы сравниться с шедеврами шеф-поваров более успешных заведений. Суп готовился полчаса, попробовав его, повар оценил и преподнес к столу. Бёрг взбодрился, отпрянул от окна и с усердием приступил к поеданию шедевра. Неаккуратно ложка ходила ото рта к тарелке, повторяя одни и те же действия много раз.

– Вот, кто действительно ценит мой труд! А эти проходимцы даже не поблагодарят за хорошо проделанную работу. Ты слышал от них хоть слово благодарности, раз чаевые они не собираются оставлять?

– Нет, – задумавшись, ответил Колин, ему явно было не до разговоров.

– Оставь тарелку, я помою.

День был тихим. Клиенты не торопились заходить, хотя время перевалило за полдень. Гертруды тоже не было, хотя она редко опаздывала. В этот день она особо не требовалась – клиентов ноль. Сидя у окна, попивая чай, Колин заметил фигуру, бежавшую к ним в заведение. Он сразу узнал в де-

вушке Гертруду.

Запыхавшись, она влетела как метеорит и воскликнула: — Простуженные на всю голову!

Пол, потянувшись на звук, увидел облитую официантку и сказал: — Что с тобой стряслось?

— Мальчишки пробежали и облили меня.

— За что?

— Сама понять не могу, то ли они стены обливали, то ли еще что.

— Странно. Кому надо стены обливать?

— Я тем же вопросом задаюсь. Успела одного по дороге под зад ударить, будет знать, как проказничать.

Переодевшись в подсобке, ей захотелось поговорить. Жизнь, как я думаю, вы догадались, у нее тяжелая. Нерадивый муж как будто не замечал свою жену, которая от столь малого внимания перестала за собой ухаживать. А какой она красавицей была, когда только пришла в кафе. Пол отчетливо помнит и постоянно, во время разговоров, ссылается на это и говорит: «Гер, ты же вообще перестала за собой следить! Помнишь, как только ты пришла, сразу понимая, что заведение не самое лучшее, то поставила меня на место, когда я подошел с тобой поговорить, выпячивая свой пузатый живот. А я помню, как твои шелковистые белые волосы скользили по твоим плечам, словно весенние ручейки проснулись после зимней спячки, а глаза, как я люблю их подчеркивать в твоей внешности, сияли лучиками, даже мое

лицо начало их принимать. Ты как с обложки сошла, а где сейчас былой задор?»

После этих слов она медленно к нему подходила, обдумывая постепенно слово за словом, и тяжело ударяла его по щеке. Жест говорил, что «она еще красивая». Гертруда считала, что Пол давно списал ее как ненужный хлам, хотя она единственная, кто притягивала новых людей в заведение. Да, она была неухожена с момента рождения сына, в этом виноват муж – бездельник. Вот Пол, если бы она вышла за него замуж, когда была еще свободна, замечал бы ее красоту, заботу, так как он, к ее удивлению, оказался нежным и чутким, замечавшим все прелести ее тела. Просто он преподнести не мог то, как он восхищается ее внешностью, в особенности приподнятым носом. Оказалось, что и он – несчастлив, и она – скучнее с каждым днем.

– Эти мальчишки совсем взбесились. Каждый месяц их становится все больше и больше. Они разукрашивают стены, виляя своими хиленькими пальчиками по зданиям. Вы замечали, что они рисуют маркерами, но на стенах ничего не появляется. Видели такое?

– Да, – донесся с кухни радостный голос. Пол всегда готов был перекинуться словами с подругой.

– А я вот и не могу понять, откуда у них такие карандаши? Я пыталась забрать один экземпляр, но меня бортанули сразу же, как я к ним приблизилась для того, чтобы спросить, зачем они портят стены, а они умело: «Мы даже ничего не

рисуем, так, балуемся». – Гертруда очень любила общаться, как и всякая девушка. А с детьми – не могла удержаться. С кем-то даже делилась конфетами, когда шла домой. Когда она на выходных уезжала в другой город, то не видела ровным счетом ни одного парнишку. Их как будто не стало в округе – сбежали. А тем временем мальчишки то и дело пробегали около кафе, рисуя по ним что-то напоминавшее круг с палочкой.

– А еще вы замечали их движения, когда они маркерами по стенам водят, словно рисуют круг и перечеркивают его.

Как только пришла Гертруда, народ повалил. Магия или что еще?

– Пару бутербродов, суп овощной и салат с курицей, – выкрикнул грубиян, не дождавшись пока подойдет официант, словно всегда обедает в одном и том же месте.

– Пол, ты слышал этих пожилых людей.

– Пожилых? – не унимался посетитель, явно задетый за живое.

– Видимо, ты готов умереть. Засиделся уже в этом мире, скучно тебе, я вижу.

Мужчина сразу замолчал, осознав свой промах. Обед был принесен через тридцать минут. Мальчики пробурчали: «Спа...сибо!»

Пришли еще около шести посетителей, после чего Гертруда решила покушать.

– Пол, хочу есть!

– Хорошо, сейчас подогрею.

Когда Гертруда несла обед к столику, стоявшему близко к двери, то вбежал мальчик, с маркером в руке, и сбил официантку, испачкав последнее платье, которое у нее было с собой. Ребенок, не заметивший девушку, как можно быстрее пробежал через каждый столик, нарисовав на них все тот же таинственный знак, и убежал восвояси.

– Чертовы дети! Чем они занимаются?

– Играют, – ответил Пол.

– Раздражают. Мне не в чем ходить, все вещи испачкали мне. Мне надо домой, я вам не сильно нужна?

– Нет, можешь идти, – безрадостно ответил Колин, понимая, что она обращается к нему. – Встретимся через два дня, пока.

Доработав смену до конца, Колин, с поникшей головой, шел домой, не замечая никого вокруг. Временами пролетали пакеты, пробежали крысы, но ничего для Колина не менялось вокруг. Все тот же закоулок, в котором пахло протухшими яйцами. Одновременно с тем, когда он поворачивал, тот же мальчишка задел его по плечу, отчего Колин пошатнулся и упал, при этом удержавшись на одной ноге, словно цапля. Колин встрепенулся, для того чтобы поглядеть на человека, который уже чертил знакомый круг на стене. Неудержавшись от того, чтобы не спросить, он задал вопрос: – Чего вы все лезаете под ногами, как мухи?

– Мы выполняем работу, – ответил и убежал восвояси

черноволосый мальчик.

А Колин так и остался стоять на месте, ибо ничего не понимал. Он вспоминал, где раньше мог встретить этот символ, что-то знакомое в детстве маячило на страницах книг. Он шел медленнее, чем обычно, и задавался одним и тем же вопросом, издавая эмоции, похожие на те, когда случайно забываешь выключить утюг в доме.

Немного ускорившись, он побежал, глядя по сторонам, в надежде заметить знаки. Колин все-таки видел что-то ино-родное на стенах, и из-за этого он уже через пять минут был дома, рассматривая единственную книгу, которая у него имелась.

– Как давно я к тебе не прикасался, книга. – Название «Криптография» стерлось. – Скорее всего, это все безумная идея моего мозга – найти смысл в знаках и символах, которые подсовывает мне судьба. Я же пытался все детство в этом разобраться, строил разные системы, которые мне совершенно не помогали. К чему все? Муки, страдания по далеким мечтам, виднеющимся вдаль, когда ни черта нет перед носом, перед руками, которые, как разварившаяся лапша, не выполняют своих обязательных функций. Зачем давать надежду в то, что стоит за тридцатью тяжеленными стенами, которые опустить дано только Гераклу или чудовищу, сильнее его порядком.

Цифры, наполнявшие книгу, пробегали перед глазами, забываясь в голове, словно ничего не знача. Для обычного че-

ловека, изучающего другие науки, – да, но для Колина – это целый мир. Возможно, для многих это глупая цель – разбираться в символах, но если посмотреть на то, что мы ставим в приоритете, то его желания и мысли не такие уж и плохие. Главное, чтобы у него было то, что его заставляло бы жить, вскипая от трудностей, недопонимания и других бытовых забот, сопровождающих нас по пути в магазин, на работу, на каторгу.

– Я что-то нашел: надпись, которую оставил мне Луис. «Извини! Храни ее. CaCO_3 », – слова изображены в перечеркнутом кружке.

Мысли закипели, словно вода дошла до ста градусов: «Так, теперь все сходится! К этому, безусловно, причастен Майор! Быть может, связаться пытается».

– Мы с ним не виделись двадцать, а то и больше лет – сейчас уже не посчитаю. К черту я ему сдался? Денег у него полно, раз он готов ими сорить на то, чтобы со мной связаться. Другой человек не мог придумать краску, которая бы не была заметна, а как ее увидеть? Что еще за формула CaCO_3 ? Понять не могу. Спустя двадцать лет я только сейчас начал обдумывать его поступки. Дело в том, что он с самого раннего детства полюбил химические формулы, начитавшись ими на этикетках, составах баллончиков и в других местах. Так чего он ко мне приставал со своим вниманием, если понимал, что я нашел науку, которая будет мне нравиться так же сильно, как ему – химия, – подумав еще минуту, он выдви-

нул гениальную идею. – Он – балда?

Над каким вопросом можно думать два дня? О смысле жизни? Он у всех разный. Секунда – и я ответил на вопрос, мучивший великие умы годами, а меня – губителя русской литературы – секунды. А вы попробуйте докопаться до человеческой сути, когда человек идет на преступления или просто обманывает – это ведь намного сложнее. Науку в честь этого придумали – психология. А вот науку – смысл жизни, еще не придумали. Кому она нужна, если можно всего лишь жить, любить, учиться? А можно вообще не размышлять, тогда тексты великих писателей сжались бы до размеров детской книжечки. Можно, да, но мы ведь не такие простенькие, чтобы отказываться от мысли поумничать, позанудствовать, словно ни о чем больше не можем поговорить, как о мировых проблемах. Наша жизнь ярче, чем возможные ответы на интересующих многих вопросы, такие как: «В чем смысл жизни?», «Где брать деньги?», «Что же надеть?», «Как правильно бездельничать?», «Если родился мальчик, то к чему это?» В этом случае вопрос: «Он – балда?» – актуален, как никогда.

Как всегда, Колин валялся в небытии два дня, размышляя над глупейшим вопросом, который только мог прийти в голову взрослого человека. А что? Решение этого вопроса кроется в самом вопросе. Да, Луис – балда, который вообще непонятно, почему действовал так. Колин поставил задачу: спросить старого друга при первой же встрече. А сейчас на-

до было идти на работу. Цель установлена, сэр!

«Не выходи на улицу, – кричало спальное место, – полежи со мной еще немного, я ведь настолько теплая и приятная, что все твои мысли уложатся рядом. Я их даже убаюкаю, спою песенку о волчонке или о маленькой девчонке». Дети начали пробегать уже и у его дома, размахивая жирными пальчиками. Толстый мальчик приблизился к жилищу, постучал в дверь, когда он только выходил, начертил «таинственный» символ, скрывавший в себе все загадки мироздания, а потом провел жирной рукой по нему, чтобы оставить поверхность наполированной.

Нужный час подошел. На дороге расстился красный ковер, по которому поплыл Колин навстречу приключениям. Какая-то приевшаяся мысль вела его вперед, затуманив депрессию, выставив на первый план решение проблемы, которая прояснилась день назад. Надо найти Луиса. Иначе жизнь не жизнь, а депрессия не лучшее средство, чтобы оставаться человеком.

Повар пришел раньше, чем Колин пробежал через закоулки. Когда он вошел, то почувствовал приятных запах – Пол готовил завтрак.

– Эй, – поприветствовал Колин друга, – ты чего так рано? Нам открываться через час.

– Я кое-что узнал об этих символах.

– Да, а ради чего ты узнавал эту информацию?

– Ну, вы говорили на эту тему, – немного увиливая, чтобы

случайно не раскрыть все свои мысли, ответил Пол, – Гертруда о детях разговаривала, а я поймал одного и на месте расспросил. Что да как?

Неожиданно ворвалась женщина, тоже явно хотевшая доложить новость.

Пыхтя, она начала рассказ: – Привет, мальчики, ждала, когда же начнется работа, и бежала ради этого сломя голову. Такое узнала, не поверите. Поймала паренька, который заляпал стальную дверь в мой дом. Позвала на чай, чтобы расспросить, а он доложил все, что знал. Оказывается, что его наняли мужчины, стоявшие на окраине города. Они предлагали каждому мальчишке по сто пятьдесят единиц денег за небольшую услугу, а также всякому, кто прибежал, дал удивительный маркер, но с одним условием – они повсюду будут рисовать круг и перечеркивать его, а потом убегать.

– О, а я тоже самое узнал, ты меня опередила.

– Так, ребята, я не знаю, что вы задумали, но к чему все это? Вы решили детективами побыть?

– Нет, – вяло произнес, зевнув в конце, Пол.

– Нет, – лениво ответила Гертруда, в глазах которой горело чувство, неизвестное Колину.

– С чего вы взяли, что вам по силам раскрыть тайну символа?

– Да, черт тебя возьми, к чему ты тут распинаешься? Я всего лишь хочу отдохнуть от мужа и работы! Если не хочешь с нами провести расследование, то, ей-богу, уйди

прочь.

– Да, уйди прочь, – подытожил Пол, глядя на Гертруду во все глаза.

– Не мешаю я вам, – сказал Колин и отстранился.

Колин смотрел за действиями друзей, не выражая никаких эмоций. Казалось, что ему нет дела до этого, но в душе давно загорелось пламя, способное разбудить любую уснувшую душу, словно медведя после спячки.

– Так, смотри, вот здесь стоят два мужика, раздающие маркеры, можем нагрянуть и напярчь их, – указывал Пол на какое-то место на карте.

– Да, но лучше пролистать все книги, в которых описываются символы, и найти нужный нам ответ.

– Быстрее будет, если все узнаем у мужиков.

– Возможно, но ты не учел, что у них много денег, а значит, и ствол есть!

– Ты видела мои мускулы, – напрягаясь изо всех сил, пылливо доказывал своё мнение Пол.

– Да, впечатляют, но пистолету ты ничего с помощью них не докажешь.

– Докажу, что я сильнее любого мужика, стоявшего за всем этим делом, – пытался проиллюстрировать Пол свое превосходство, в основном для того, чтобы понравиться Гертруде.

Колина пробило на смехок, разглядывая, как ведут дело юные следователи, и он сказал: – Хватит с вас, может так

вы немного поймете в чем дело, – договорив, он достал из заднего кармана обтрепанную часть книги.

– Мы же сказали тебе не вмешиваться, без тебя уже почти разгадали загадку, – сказал Пол.

– Из вас следователи, как из меня веселый человек.

– Ой, нашелся тут критик. В стране – критики и юристы, юристы и критики, а поваров, официантов вообще не стало, словно это ничтожная работа, недостойная внимания.

– Так и есть, – сказал Колин.

– А ну-ка извинись! – не успел Пол договорить, как его перебила Гертруда, явно не желавшая мальчишеской драки, которая будет похожа на то, как собака сражается с водой.

– Что за бумажку ты принес? Она выглядит хуже тебя, а ты сегодня с чистой головой.

– Друг детства оставил, пролистай.

– Не буду, она странно пахнет.

– Не откроешь – не узнаешь, как раскрыть дело.

– Проклятый бес, давай ее сюда! – прорычал Пол.

Гертруда подошла поближе к Полу, который рассматривал часть книги, и удивленно начала бегать глазами. Пытаясь понять, что за книга перед ней, Гертруда вырывала слова из контекста. «Открытый ключ», «Шифр», «Ключ», «Крипто-анализ» – все для нее было покрыто тайной. Слово «Шифр» нагоняло на нее волну размышлений, кажется, что она начала догадываться, что представляет собой книга.

– Ты – шпион? Ты причастен к этому делу? Ты это хотел

сказать?

– Нет, отдай книгу сюда, покажу вам, что я хотел до вас донести. А то пока вас дожدهшься, века пройдут.

Колин мгновенно пролистал книгу, остановившись на заднем форзаце книги.

– Вот, видите круг, и он также перечеркнут.

– Да, но как ты докажешь, что мальчики рисуют тоже самое. Ты ведь мог сам начертить этот круг, надеясь нас запутать, – рассудительно ответила Гертруда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.